

УДК 821.111;821.161.1

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-1-212-219>

Оригинальная научная литература

Рецепция этики Ф.М. Достоевского в «Тайной истории» Д. Тартт

О. М. Сальникова , И. С. Саввина

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация
 salnicovao@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию рецепции творчества Ф. М. Достоевского в романе Донны Тартт «Тайная история». Актуальность темы обусловлена необходимостью переосмысления классического литературного наследия в контексте этических проблем современности. Научная проблема заключается в противоречии между активным использованием этико-философского комплекса идей Достоевского и его принципиальной недостижимостью в условиях дегуманизированного общества потребления, что порождает феномен «метафизической ностальгии», теоретически осмысленный М. Боуденом. Целью работы являются выявление и анализ специфики трансформации ключевых категорий Достоевского (вины, искупления, веры) в поэтике постмодернистского романа. В качестве материалов используются текст указанного романа, литературно-критические статьи и научные исследования, посвященные как творчеству русского классика, так и американскому постмодернизму. Методология включает сравнительно-сопоставительный анализ, интертекстуальный, и герменевтический подходы, что позволяет провести комплексное исследование. В результате доказывается, что роман Тартт является ярким примером «достоевистической литературы», сюжетно и идейно перекликающимся с «Преступлением и наказанием». Однако, в отличие от модели Достоевского, здесь исключены раскаяние и спасение, а ницшеанские идеи, вдохновившие персонажей, сталкиваются с потайным христианским смыслом, выраженным в финале. Анализ показывает, что исповедь нарратора Ричарда Пейпена неискренна, а этика окончательно подменена эстетикой, что оставляет героев в состоянии духовного тупика, который интерпретируется как метафора кризиса современной цивилизации. Практическая значимость работы заключается в углублении понимания механизмов диалога культур и трансформации классического наследия в современном литературном процессе. Полученные выводы открывают перспективы для дальнейшего сравнительного изучения «достоевистической литературы» в зарубежной литературе XX–XXI веков.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, современная «достоевистическая литература», Донна Тартт, «Тайная история», «Преступление и наказание», рецепция русской классики, метафизическая ностальгия, интертекстуальность, гиперреальность, постмодернизм, этика

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Сальникова О. М., Саввина И. С. Рецепция этики Ф.М. Достоевского в «Тайной истории» Д. Тартт. *Вестник СВФУ*. 2026;23(1):212–219. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-1-212-219>

Original article

The reception of F. M. Dostoevsky's ethics in 'The Secret History' by Donna Tartt

Oksana M. Salnikova , **Inna S. Savvina**

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

 salnicovao@mail.ru

Abstract

This article explores the reception of Fyodor Dostoevsky's work in Donna Tartt's novel *The Secret History*. The relevance of this topic stems from the need to rethink classical literary heritage in the context of contemporary ethical issues. The research problem lies in the contradiction between the active use of Dostoevsky's ethical and philosophical complex of ideas and its fundamental unattainability in the conditions of a dehumanized consumer society, which gives rise to the phenomenon of "metaphysical nostalgia," theoretically understood by M. Bowden. The aim of the work is to identify and analyze the specific transformation of Dostoevsky's key categories (guilt, redemption, faith) in the poetics of the postmodernist novel. The materials used are the text of the aforementioned novel, literary criticism articles, and scholarly studies devoted to both the work of the Russian classic and American postmodernism. The methodology includes comparative analysis, intertextual, cultural-historical, and hermeneutic approaches, allowing for a comprehensive study. The study demonstrates that Tartt's novel is a striking example of "Dostoevskian" literature, resonating with *Crime and Punishment* in both plot and ideology. However, unlike Dostoevsky's model, catharsis and repentance are excluded, and the Nietzschean ideas that inspired the characters clash with a hidden Christian meaning expressed in the finale. The analysis reveals that the narrator, Richard Papin, is insincere, and ethics is ultimately replaced by aesthetics, leaving the characters in a state of spiritual impasse, which is interpreted as a metaphor for the crisis of modern civilization. The practical significance of this work lies in its deepening understanding of the mechanisms of cultural dialogue and the transformation of classical heritage in contemporary literary processes. The findings open up prospects for further comparative study of "Dostoevskian" texts in foreign literature of the 20th and 21st centuries.

Keywords: F. M. Dostoevsky, American postmodernism, Donna Tartt, *The Secret History*, *Crime and Punishment*, reception of Russian classics, metaphysical nostalgia, intertextuality, hyperreality, postmodernism, ethics

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Salnikova O. M., Savvina I. S. The reception of F. M. Dostoevsky's ethics in 'The Secret History' by Donna Tartt. *Vestnik of NEFU*. 2026;23(1):212–219. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-1-212-219>

Введение

Творчество Донны Тартт привлекает внимание исследователей, что свидетельствует о живом интересе ученых к ее книгам. В своих романах Тартт последовательно обращается к наследию Ф. М. Достоевского, что позволяет рассматривать ее творчество как важный пример диалога современной литературы с классической традицией. Исследование этой связи значимо для понимания того, как «вечные» философско-нравственные вопросы трансформируются в контексте вызовов современности.

Цель работы – показать, как в прозе Тартт проявляется описанная М. Боуденом «метафизическая ностальгия» и как художественно разрешается дилемма обращения к этике Достоевского в условиях постмодернистского/пост-постмодернистского мира.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения его в учебном процессе. Основные положения и материалы работы могут быть использованы при разработке учебных курсов и спецсеминаров по сравнительному литературоведению, а также в дальнейших научных изысканиях.

Методология

Синтез следующих методов позволяет провести комплексный анализ: сравнительный метод выявляет структурные связи, интертекстуальный – механизмы работы с традицией, а герменевтический – обеспечивает целостное истолкование полученных данных, раскрывая философскую глубину исследуемых произведений.

Обзор научной литературы

Связи творчества Достоевского и постмодернизма рассмотрены в статье Д. В. Сушковой «Интерпретации проблемы Достоевский и постмодернизм в англоязычной критике XXI века» [1]. Автор собрала современные исследования англоязычных критиков, которые устанавливают, как Достоевский мог не только повлиять на постмодернизм, но и быть одним из его предтеч. Для нашей работы особенно значимо исследование профессора философии М. Боудена: «Contemporary Dostoevskian Literature: The Post-Postmodern Repositioning of Dostoevskian Ethics in Novels by David Foster Wallace, J. M. Coetzee and Atiq Rahimi». Он обозначает современные книги, вызывающие к Достоевскому, «contemporary dostoevskian literature» («современная достоевистическая литература» (пер. Сушковой)). М. Боуден исследует «кризис модернизма» и постмодернизм, в которых создавались указанные современные книги (Уоллес, Кутзи и Рахими), и отмечает, что постмодернизм исчерпал себя в конце 1980-х, и на его место пришло то, что он называет «пост-постмодернизмом».

Опираясь на теорию М. Боудена, важно уточнить соотношение этих терминов. Если постмодернизм в его классическом понимании характеризуется тотальной иронией, деконструкцией «больших нарративов» (включая этические) и стиранием границ между высоким и массовым, то пост-постмодернизм, по М. Боудену, знаменует собой возврат к серьезному высказыванию и поиску аутентичности. Сохраняя интеллектуальную сложность, он вновь обращается к метафизическим и этическим универсалиям. Именно в этом ключе – искусство пост-постмодернизма – современные «достоевистические» романы оказываются восприимчивы к этико-философской системе Достоевского.

Конкретизируя определение М. Боудена применительно к западному литературному процессу, «достоевистическая литература» – это корпус текстов, которые, не являясь прямыми адаптациями, вступают в сложный диалог с наследием Достоевского через отсылки к его сюжетам или проблематике. Их признаком является так называемая «метафизическая ностальгия» по нравственной этике Достоевского, потерянной в безнравственной современности. «С одной стороны, "постпостмодернизм" подразумевает ностальгию по этической традиции прошлого, а с другой – предполагает "непреодолимую дистанцию" от нее» [1, с. 116]. При анализе современных «достоевистических» книг М. Боуден выделяет следующую философскую дилемму: они вызывают к этике Достоевского или, как он выражается, «идентифицируют» его, тем самым «идентифицируют продолжающуюся значимость этической традиции, которую он представляет», но эти же современные тексты «в этическом смысле не могут поддержать его» [2, с. 5]. Полярность между этикой Достоевского как «недостаточной» и продолжающимся обращением к русскому писателю – главная проблема его исследования.

В качестве примера он приводит роман Рахими «Будь проклят Достоевский», в котором главный герой, подобно Раскольникову, совершает убийство, последствия которого однако не приводят к наказанию, так как мир, в котором он живет, потерял все нравственные ориентиры.

Учитывая, что тема эпохи постмодернизма необычайно сложна и многочисленны определения того, что следует за постмодернизмом, мы будем в дальнейшем анализе называть рассматриваемую книгу литературой постмодернизма, не обращаясь к термину Боудена «пост-постмодернизм», который все еще является дискуссионным. Это позволяет анализировать творчество Тартт в общем контексте второй половины XX века, не углубляясь в спорные нюансы периодизации, остающиеся за рамками нашего исследования.

«Тайная история»

В 1992 году Донна Тартт издала дебютный роман «Тайная история». Он повествует о студенческой группе классиков, обучающихся под наставничеством Джулиана Морроу. Это история Ричарда Пейпена, который спустя годы вспоминает свои студенческие годы. После неудачного выбора медицины в местном университете он переводится в колледж Вернона, где попадает в закрытую группу классиков.

Уже из пролога мы узнаем, что Ричард и его друзья убили своего общего друга Эдмунда «Банни» Коркорона. Весь роман – это попытка Ричарда объяснить, почему они совершили это убийство. Ранее Генри, Чарльз, Камилла и Фрэнсис, не сообщив Ричарду и Банни, воссоздали вакханалию ночью в лесу и во время коллективного психоза убили местного фермера. Ричард и Банни узнают о происшедшем, но, если первый выражает желание прикрыть друзей, то Банни видит возможность шантажировать их. Привыкший к роскошной жизни, но оставшийся без денег, Банни намекает, что друзья обязаны его содержать. Все это описано с точки зрения Ричарда, одного из убийц Банни.

Жанр «Тайной истории» трудно определить. Это и детектив, где убийца извещен с самого начала, и роман воспитания, где герои не растут, и исповедь, где преступники не раскаиваются.

С. Литцлер в работе «Interpretations of Fear and Anxiety in Gothic-Postmodern Fiction: an Analysis of the Secret History by Donna Tartt» [3] исследует, почему «Тайная история» является постмодернистским произведением, написанным в традиции готического жанра. Эту смесь постмодерна и готики она определяет «bricolage» – создание произведения на основе подручных средств, «postmodern mutant creation» («постмодернистская мутация») [3, с. 17].

Мы оставим в стороне готическую составляющую данного исследования и сосредоточимся на том, как С. Литцлер доказывает, что «Тайная история» относится к постмодернизму.

Это, в первую очередь, чрезмерная интертекстуальность. Тартт отсылает к античности, упоминает и возводит аллюзии ко множеству писателей: Т. С. Элиот, Ф. С. Фицджеральд, А. Е. Хаусман, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский и т. д. По мнению С. Литцлер, аллюзии и отсылки в романе – это способ запутать читателя [3, с. 18]. Литературовед демонстрирует сцены, в которых персонажи разговаривают на греческом или латинском без перевода, что производит на читателя «нервный эффект», а отсылки к Платону, Плотину, Пифагору вызывают растерянность, заставляя искать смысл [3].

«Тайная история» – это, в первую очередь, «самопровозглашенная история» из уст Ричарда Пейпена. На протяжении всего произведения он упорно называет свой рассказ «историей». «По сути, сама история представляет собой рационализацию убийства Банни (Эдмунда) Коркорона <...> Читателю предстоит решить, способен

ли Ричард сказать правду сквозь пелену памяти и несмотря на свое признание во лжи» [3, с. 23].

Ричард Пейпен – ненадежный рассказчик и с первых страниц признается, что он лжец и любит выдумывать себе другую жизнь как форму эскапизма. Даже в группу Джулиана он попадает, прибегнув ко лжи: он сочиняет себе романтизированное прошлое, выставляет себя богатым, хотя сам из бедной семьи. Так, С. Литцлер приходит к выводу, что «"истинная" личность Ричарда изменчива и неопределенна» [3, с. 24]. Ричард лжет даже по незначительным поводам. Его нежелание признаваться во лжи доходит до абсурда, когда он, сняв на зимние каникулы неотапливаемую комнату, почти погибает от холода, но не просит о помощи.

Еще одной чертой постмодернизма С. Литцлер считает «гиперреальность» – генерацию моделей настоящего без оригинала и реальности, где фиктивное становится фактом [3, с. 33]. Например, исчезновение Банни «приобретает свою жизнь» [3, с. 34]: возникают слухи о том, что его убили наркобароны, или что видели в городе. Так он становится медийной фигурой.

На примере семейства Коркоран видно отсутствие значения смерти: отец быстро отвлекается от горя, а миссис Коркоран больше заботит ее внешний вид на похоронах. Все мужчины в семье Коркоран так похожи друг на друга, что Ричард замечает, что «смерть Банни словно бы обернулась неким ужасным репродуктивным актом – куда бы я ни посмотрел, везде мелькали, возникая ниоткуда, бесчисленные Банни» [4, с. 433]. Девушка погибшего Банни в итоге выходит замуж за его брата.

Самым ярким способом выражения гиперреальности является описание действий в виде киносимулякра. Ричарда пугает не сама смерть, а ее кинематографический образ: «...картинка пронесится с молниеносной, обманчивой легкостью, обычно отличающей съемки аварий <...> Я наблюдал за происходящим вполне спокойно – без страха, без жалости, разве что с ошеломленным любопытством...» [4, с. 302]. Таким образом, Ричард является воплощением «пассивного, бессмысленного, нигилистического существования» [3, с. 39].

Гиперреальность мира романа соответствует сюжету. Студенты совершают убийство в погоне за красотой, о которой говорил Джулиан Морроу: «В красоте заключен ужас» [4, с. 53]. Ричард, выросший в среде, где красоты было мало, ставит ее превыше всего. Когда в него случайно стреляет Генри, он в первую очередь сокрушается об испорченной рубашке. Фрэнсис признается, что «склонен считать красоту проявлением исключительных внутренних достоинств, с которыми она на самом деле не имеет ничего общего ...» [4, с. 497].

Близнецы Чарльз и Камилла находятся в инцестуальных отношениях, что не шокирует других героев. Их равнодушие можно объяснить оторванностью от социальных норм и отсылками к древнегреческой мифологии.

Джулиан Морроу – эксцентричный профессор-элитист, изолирующий своих студентов. Он целенаправленно возвращал в них чувство превосходства. На занятиях он много говорил о смерти, убийствах, кровавых сценах из Гомера, о раскрытии дионисийского начала и красоте, цитируя, например, что в древней Индии «убийство в битве не было грехом, если воин не чувствовал угрызений совести» [4, с. 543]. Однако его эксцентричность прикрывала трусость, и он оказался неспособен на реальный поступок. Когда он узнал о содеянном, он просто сбежал.

Генри, любимый ученик Морроу, убивает себя, осознав, что за учениями Джулиана ничего не стоит. Его самоубийство – это жест, попытка создать великую трагедию, подобно Кириллову у Достоевского.

Главная мысль романа выражена другим профессором: «...Прекрасное, если оно не сочетается с чем-либо более значительным, есть не более чем яркая погремушка» [4, с. 549].

Можно ли отнести «Тайную историю» к «достоевистической литературе». По мнению исследователей, да. Н. С. Ищенко считает, что ее сюжет – это инверсия «Преступления и наказания». Студенты совершают идейное убийство, но, в отличие от Раскольникова, не задаются вопросом, имеют ли они на это право [5].

Как и Раскольникову, героям романа не суждено стать «сверхчеловеком». Движимые тревогой и паранойей, они охвачены отчаянием и совершают второе убийство – своего друга Банни. Затем они впадают в полное саморазрушение. Генри совершает самоубийство, Фрэнсис тоже пытается покончить с собой, выживает и вынужден жениться на женщине, которую не любит. Чарльз и Камилла больше не вместе: он женился и живет ничтожной жизнью алкоголика, она заточена в четырех стенах, ухаживая за бабушкой. Ричард вернулся в Калифорнию, которую ненавидит. Примечательно, что ни один из персонажей не производит впечатления повзрослевшего или раскаявшегося. Ричард после всего, что с ним произошло, после двух убийств, самоубийства Генри, после того, как в него стреляли, по его словам, «проводил дни в библиотеке, читая драматургов эпохи короля Якова I. <...> ... мир, освещенный не солнцем, а предательским пламенем свечей, мир, где невинность всегда оказывалась попанной, а злодеяние – ненаказанным» [4, с. 578].

«Герои вернулись в лоно своих буржуазных семей и с отвращением, но приняли законы буржуазного мира, отказавшись от ницшеанских уроков Джулиана» [6, с. 81-82].

Но насколько они отказались от ницшеанских уроков Джулиана?

Позже Ричард и Камилла признаются друг другу, что до сих пор любят Генри, что свидетельствует о том, что они все еще держатся за романтизированный образ сверхчеловека.

С идеями Ницше в «Тайной истории» перекликается понятие постницшеанского мира – термин, который часто использует М. Боуден.

Постницшеанский мир – это мир без Бога, это мир, где этика Достоевского не может существовать. «Тайная история» – это «достоевистическая» книга, которая также попадает в дилемму, обозначенную Боуденом: если этика Достоевского недостаточна, почему современные авторы продолжают обращаться к ней?

На одном из ужинов со студентами профессор Морроу произносит тост: «Всегда, всегда один и тот же тост. Живите вечно» [4, с. 106].

Фраза может отражать языческие концепции о перерождении души после смерти, но, скорее всего, относится к желанию уподобиться Богу. Студенты, погруженные в древнегреческую эстетику, пытаются преодолеть человеческие ограничения, имитируя дионисийские мистерии. Преступление становится издержкой «искусства» (ритуал вакханалии), чем-то вроде человеческого жертвоприношения.

В конце книги уже после всех бесчинств трое героев романа – Ричард, Фрэнсис и Камилла – посещают церковную службу во время Пепельной среды: «Священник обмакнул палец в пепел и начертил крест на лбу: “Ибо прах ты и в прах ты возвратишься”» [4, с. 583]. Эта цитата подчеркивает христианскую идею тщетности гордыни.

Христианская основа в «Тайной истории» хоть и скрыта, но она имеется, учитывая, что Донна Тартт обращенная католичка. Зарубежные исследователи называют «Тайную историю» «католическим романом» [7] или «романом, преследуемым Христом» [8].

О теме гордыни в «Тайной истории» пишет ассистент-профессор А. Тейлор. По его мнению, гордыня в античности имела двойственную фигуру: у трагических персонажей гордыня могла быть пороком, а для «избранных» привилегией и добродетелью, например, «великодушные» Аристотеля. В христианстве же это однозначный порок [7]. Именно античная, элитарная гордыня затуманивает разум студентов. Они считают себя «избранными», чтобы оправдать свое преступление

и презрение к окружающим. «Классическая традиция радикально неполна без Христа» [7].

Их тщетное стремление к бессмертию оставляет их духовно мертвыми. В финале Генри является Ричарду во сне и говорит, что не умер, но его «перемещения ограничены» и он не может «отправиться туда, куда захочу» [4, с. 591]. На вопрос, счастлив ли он, Генри отвечает: «Не слишком. Однако ты ведь тоже не очень счастлив там, где сейчас живешь» [4, с. 591]. Эта сцена подчеркивает, что Ричард так же духовно мертв, как и Генри. Их души застряли в своего рода Лимбе, неспособные к искуплению.

Христианство предлагает искупление через страдание, но герои не способны его принять. Они лишены любви: Генри предан учителем, Камилла лишилась брата и Генри, Чарльз – сестры и поддержки семьи, Фрэнсис женится без любви, Ричард отвергнут.

Заключение

Таким образом, роман Тартт является ярким примером «достоевистической литературы» в парадигме «метафизической ностальгии». В «Тайной истории» изображен мир пустоты и поверхностности. Герои тоскуют по величию древнего мира, но не находят для него морального фундамента. Этика подменена эстетикой, а исповедь Ричарда неискренна. Обращаясь к Достоевскому, Донна Тартт диагностирует болезнь эпохи – метафизическую пустоту и духовный тупик современной цивилизации.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. Сушкова Д.В. Интерпретации проблемы «Ф. М. Достоевский и постмодернизм» в англоязычной критике XXI века. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2025;237(1):111-118.

Sushkova DV. Interpretations of the Problem "F.M. Dostoevsky and Postmodernism" in English-Language Criticism of the 21st Century. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2025;237(1):111-118 (In Russ.).

2. Bowden MJ. Contemporary Dostoevskian Literature: The Post-Postmodern Repositioning of Dostoevskian Ethics in Novels by David Foster Wallace, J. M. Coetzee and Atiq Rahimi. Candidate's dissertation (Philology). Leeds. 2021:343.

3. Litzler SA. Interpretations of Fear and Anxiety in Gothic-Postmodern Fiction: an Analysis of the Secret History by Donna Tartt. 2013. Available from: <https://etd.ohiolink.edu/> (accessed: 07.11.2025).

4. Тартт Д. *Тайная история*. Москва: АСТ: CORPUS; 2019:590. Tartt D. *The Secret History*. Moscow: AST: CORPUS; 2019:590. (In Russ.).

5. Ищенко Н.С. Студент, право имеющий: коллективный анти-Раскольников в «Тайной истории» Донны Тартт. *ДМКФ*. 2022;3(19):147-158.

Ishchenko NS. A Student Who Has the Right: A Collective Anti-Raskolnikov in Donna Tartt's "The Secret History". *ДМКФ*. 2022;3(19):147-158. (In Russ.).

6. Ишимбаева Г.Г. Диалектика принятия-отрицания Идей Ницше в романе Д. Тартт «Тайная история». *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2016;3(1):78-83.

Ishimbaeva GG. The Dialectics of Acceptance and Denial of Nietzsche's Ideas in Donna Tartt's Novel "The Secret History". *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*. 2016;(3-1):78-83. (In Russ.).

7. High Church Dionysians and the Problem of Pride: A Review Essay. Dappled Things. 2020. Available from: <https://www.dappledthings.org/nonfiction/high-church-dionysians-and-the-problem-of-pride-a-review-essay> (accessed: 07.11.2025).

8. Dust Thou Art: Donna Tartt's "The Secret History" at Thirty. *European Conservative*. 2022. Available from: <https://europeanconservative.com/articles/reviews/dust-thou-art-donna-tartts-the-secret-history-at-thirty/> (accessed: 07.11.2025).

Сведения об авторах

САЛЬНИКОВА Оксана Михайловна – к. филол. н., доц. ФФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-9454-3270>, e-mail: salnicovao@mail.ru

САВВИНА Инна Сергеевна – магистрант ФФ ФГАОУ ВО «Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, e-mail: savvina020200@mail.ru

About the authors

Oksana M. SALNIKOVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Faculty of Philology, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-9454-3270>, e-mail salnicovao@mail.ru

Inna S. SAVVINA – Master's student, Faculty of Philology, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, e-mail: savvina020200@mail.ru

Вклад авторов

Сальникова О. М. – разработка концепции, руководство исследованием, верификация данных, редактирование рукописи

Саввина И. С. – методология, проведение исследования, создание черновика рукописи.

Authors' contribution

Oksana M. Salnikova – conceptualization, supervision, validation, writing-review & editing

Inna S. Savvina – methodology, investigation, writing - original draft

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest

Поступила в редакцию / Submitted 29.10.2025

Поступила после рецензирования / Revised 17.11.2025

Принята к публикации / Accepted 19.01.2026